

Убийство шмеля

Я сидел на даче, приходил в себя, догонял упущенную работу и мучился сомнениями: любит она меня – или просто так? Хотелось верить, что любит – но разница в тридцать лет обнажала: да нет, просто так. Правда, глаза у неё были очень прямые, очень честные – спросить бы в лоб: любишь? балуешься? просто так?

Но спросить было не кого: она с мамой и дочкой отбыла в городок Бугуруслан – навестить старенькую бабулю и тётку. То есть: мать и сестру матери. А телефон не оставила. Потому я и изводил себя уже неделю. С утра – и в ночь. С утра и в ночь. Дела, конечно, отвлекали. Надо было собаке готовить, себе; в избе прибираться, носки пости-рать. Отвлекало.

Но всё равно на душе было тягостно и нервно. А тут ещё шмель явился. Я как раз булку на противень нарезал – сухари сушить, чтоб не пропала. А он как загудит: «гуу... гуу...» Аж вздрогнул я. Шмель громадный, чёрный, на стекле оконном — откуда возник, как ожил? А если сейчас в глаз ужалит? И почему-то злость в душе: и без тебя тошно, а тут ещё и ты гудишь. Как сказал Бунин: «Заунывной струной». Выгнать бы надо – но уже смеркалось, в комнате темновато, только в окне – светло. Он к этому свету и стремился. Не понимает, дурак, что между ним и свободой – стекло. Гудит и гудит. Вдоль рамы ползает. А у меня в руке – нож. Булку режу. И я уже знаю, какая судьба шмеля ждёт: сейчас булку дорежу – и чиркну лезвием по шмелю. Попролам – чтоб не мучился.

И чиркнул. Но – то ли рука дрогнула, то ли шмелю так выпало – что-то от него отвалилось – но гудеть не перестал. Летать уже не может – но вдоль стекла ползает и стонет пуще прежнего. Больно ему, и мне почему-то тоже за него больно...

Но вот гудеть перестал – и тяжело на пол шлепнулся. Слава Богу, почил! Полегчало мне. Не мучается больше шмель от неверной, дрогнувшей руки палача.

А телефон-то, между прочим, могли бы и оставить. Если «не просто так»... Сухарики поджарились. Снимаю их аккуратно с противня. Доволен собой: булку сохранил, сэкономил. Молодец. И – тут! Как взвоят, как загудит на полу, возле плитки! Шмель! Ожил! Опять воеет, опять! Отчего?

И вижу отчего: тащат его по полу в сторону, к плитусу здоровенные рыжие муравьи. Тащат на съедение, на консервацию. Тащат дружно, как лилипуты Гулливера бы тащили. Вцепились. И от их челюстей, от их ядовитых укусов очнулся мой шмель, из комы вышел – и снова боль свою гудением глушит...

Ну, муравьи! Ну, стервы! На беспомощного, на беззащитного напали! Лакомый кусочек им померещился; еды много валяется...

А у меня чайник на плите пофыркивает. Скипел. Сейчас я вам покажу халяву, мучители бессовестные; сейчас вы почувствуете, что такое H_2O сто градусов по Цельсию!

И уже подняла рука чайник, и уже наклонен был носик его, при-целиваясь на ни о чём не подозревающих мурашей, ликующих всей своей ватагой... Но кто-то внятно, спокойно сказал в пустой избе:

— Хватит! Хватит на сегодня мучений!

И шмель затих. А мне вдруг захотелось кипяточком на пальчик себе плеснуть. И с чего бы, а?